Князь неведомой земли

Костя Пластилинов

Костя Пластилинов

Князь неведомой земли

«Автор»
2026

Пластилинов К.

Князь неведомой земли / К. Пластилинов — «Автор», 2026

В 1054 году, после смерти Ярослава Мудрого, Русь погружается в смуту: промыслы волхвов, набеги кочевников и попытки западных правителей грозят разрушить единство земель.В центре сюжета — три брата-князя: Святослав (воин-провидец), Изяслав (прагматичный дипломат) и Всеволод (мастер боя и переговоров). Им предстоит объединить силы, чтобы противостоять древнему злу — Тени Сварога, пробудившейся в лесах Приднепровья.

© Пластилинов К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний вздох Ярослава 5
Глава 2. Три брата, три пути 11
Глава 3. Голос из тьмы 15
Глава 4. Послы Запада 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Костя Пластилинов
Князь неведомой земли

Глава 1. Последний вздох Ярослава

Гридница дышала древностью, будто сама земля помнила её века, а время обходило это место стороной. Тяжёлые дубовые балки, почерневшие от времени, нависали грозно, словно рёбра уснувшего дракона-чудища, чьё дыхание давно обратилось в пыль столетий. Сквозь узкие бойницы-оконца пробивался тусклый свет октябрьского дня – он смешивался с клубами ладанного дыма, и причудливые тени, словно письмена неведомого старца, начертанные невидимым пером, ложились на дубовый пол, сплетаясь в узоры забытых пророчеств.

Это была не просто зала – это была гридница, сердце княжеского двора, место, где сама судьба выплетала свои нити. В старину такие просторные помещения возводили для дружины: здесь, под высокими сводами, постоянно жили гриди – княжеские воины, чья верность и отвага были опорой власти, а мечи – грозой для недругов. В гриднице не только несли стражу и отдыхали между походами – здесь пировали в честь побед, принимали послов, решали судьбы земель. Порой гридница даже строилась отдельно от жилого дворца: настолько велика была её роль в жизни княжьего дома, словно сама земля указывала – здесь бьётся пульс державы.

Кровля опиралась на могучие деревянные столбы, древние, как дубы заповедного бора. Они стояли незыблемо, будто стражи из сказаний, что видели восход и закат многих поколений. Стены из толстых дубовых брёвен хранили эхо голосов минувших времён: то звучали баяны, слагавшие былины о подвигах, чьи строки до сих пор витали в воздухе; то гремели кубки в честь князя, и их звон, казалось, пробуждал дремлющие в дереве духи; то раздавались резкие команды во время сборов, и тогда сама гридница словно напрягалась, готовясь к битве. Вместительность её поражала – в такой зале могло собраться до четырёх сотен человек, и потому она служила и казармой, и пиршественным залом, и даже залом для приёмов, где каждое слово имело вес золота, а каждый взгляд – силу заклятья.

Но времена менялись, и судьба гридницы обернулась иной гранью. С конца XI века эти залы обрели мрачную славу: их стали использовать как тюрьмы для знатных пленников, и каменные стены, некогда радовавшиеся победам, теперь хранили стоны узников. В «Слове о полку Игореве» упоминается, как половецкий хан Кобяк был брошен «в гриднице Святославовой» – словно сама память о славе обратилась против него. В Новгороде гридницами называли уже особые башни на вечевых площадях, где размещались городские и кончанские колокола, чей звон, говорили старцы, мог разбудить даже мёртвых. А в Пскове это слово распространилось на большие общественные помещения, порой служившие даже для содержания общего скота, – так великая гридница постепенно теряла свой княжеский ореол, словно древний богатырь, вынужденный трудиться на пашне.

Воздух в гриднице стоял густой, насыщенный противоречивыми запахами, будто сама природа сплетала здесь свои чары. Сладкий восковой дух свечей напоминал о тихих вечерах, когда князь поднимал чашу за дружину, и свет их играл, как золотые рыбки в тёмной воде. Металлический привкус крови на полу говорил о былых сечах, где клинки звенели о щиты, а земля жадно пила алые капли. Пряный аромат соболиных мехов хранил тепло власти, словно зверь, притаившийся у трона, а едва уловимая гниль шептала о грядущих бедах, как ведьма, бормочущая проклятия у порога.

В углах шевелились тени – не просто лежали, а выжидали, будто тёмные стражи, приставленные неведомым чародеем. Они притаились у стен, внимая биению княжеского сердца, и казалось, что сами стены прислушиваются, запоминая каждый удар. Вот-вот раздастся послед-

ний – и тогда тени, как вороньё над полем брани, накроют гридницу окончательно, поглотив её в безмолвии веков, и лишь эхо последнего вздоха останется блуждать между балками, как неприкаянная душа.

Но пока гридница жила. Её массивные столбы держали кровлю, её стены помнили гул голосов и звон кубков, её пол хранил следы тысяч шагов, будто карта неведомых странствий. Недаром ещё А. С. Пушкин в поэме «Руслан и Людмила» писал о пире Владимира «в гриднице высокой» – так прочно вошла она в сознание как символ княжеской власти и дружинной чести, как место, где сплетались воедино слава, долг и память о минувших временах, где каждый камень был свидетелем великих дел, а каждый луч света – отголоском забытых заклинаний.

Князь Ярослав лежал на широкой лавке, словно изваяние из серого камня, сотворённое самим временем. Вековые ветры, казалось, уже высекли на его лице последние письмена судьбы, а часы жизни отсчитывали последние удары – будто молот по наковальне веков, выбивающий прощальную песнь.

Лицо князя было древней картой земель Русских, где каждая черта хранила память о пройденных дорогах и пережитых бурях. Глубокие морщины на лбу напоминали высохшие русла великих рек – Днепра и Волхова, чьи воды некогда несли ладьи с товарами и воинами, связывая далёкие края. Впалые щёки обрамляла седая, спутанная борода, похожая на зимний мох, что цепляется за старые валуны у врат Софии Киевской. Глаза, прежде сверкавшие, как звёзды над златоглавым Киевом в ясную ночь, теперь потухли, став подобны углям, догорающим в пепле забытого костра. Кожа, серо-жёлтая, как древний пергамент, уже не могла принять новых строк – чернила мудрости иссякли, а годы оставили на ней лишь тени былого величия.

Соболиные меха, окутывавшие князя, когда-то пылали, как знамёна побед, возвещая о власти, равной царской. Они помнили шум пиров в гриднице, где звенели кубки за здравие мудрого правителя, и шепот послов, склонявшихся перед его словом. Теперь же меха лишь подчёркивали хрупкость тела, словно роскошный покров, наброшенный на увядающее древо, чьи корни всё ещё держали землю Русскую.

Рука, лежавшая поверх мехов, дрожала, будто лист на осеннем ветру. Пальцы судорожно сжимали край покрывала – так воин в последнем бою цепляется за рукоять меча, чувствуя, как сила уходит из рук, а враг уже наступает. Казалось, князь пытается удержать ускользающую жизнь, как путник хватается за край обрыва, зная: ещё миг – и бездна поглотит его навсегда.

В воздухе витал тяжёлый дух уходящей эпохи – смесь воска от оплывших свечей, привкуса крови, что когда-то алела на мечах в битвах за единство земель, и тлена, неотступно следовавшего по пятам времени. Где-то вдали, за толстыми стенами княжеской палаты, шумел ветер. Он словно шептал древние заклинания, провожая душу в путь, а может, напевал былины о делах минувших дней.

И в этой тишине, меж вздохами и шорохами, будто звучали отголоски минувшего. Звон молотов на стройке Софии Киевской – храма, что стал сердцем Руси и зеркалом небесной Премудрости. Шёпот переводчиков в княжеских палатах, где рождались книги, равные византийским сокровищам, и складывались законы, что должны были править землёй справедливо. Голоса послов из дальних стран, склонявшихся перед мудрым словом Ярослава, чья дипломатия связала Русь с коронами Европы, а браки его детей стали мостом между народами.

Он был тем, кто сплотил разрозненные племена, дал народу законы, воздвиг храмы и научил ценить слово писаное. Он был тем, кого потомки назовут Мудрым – не при жизни, но в памяти веков, где его деяния превратились в легенду, а имя стало символом Руси, стоящей на пороге новой эры. И даже теперь, в час ухода, в нём чувствовалась та незримая сила, что когда-то держала воедино земли от Новгорода до Киева, – сила ума, воли и веры, оставившая след в летописях и душах людей.

Вокруг ложа, словно три изваяния из разных сказаний, стояли трое. Каждый – не просто наследник престола, но воплощение иного пути для Руси, трёх дорог, расходящихся в туманной дали будущего.

Изяслав возвышался прямой, как меч, выкованный в священном горниле княжеского долга. Плечи его были расправлены с той непреклонной твёрдостью, с какой дубовые балки гридницы держат на себе тяжесть веков. Взгляд – холодный, прозрачный, словно лёд на утренней реке: в нём не читалось скорби, лишь трезвый расчёт, будто он уже мысленно чертил на карте земель линии новых торговых путей, возводил неприступные стены вокруг Киева, взвешивал в уме вес каждого слова, каждой клятвы.

Пальцы его непроизвольно сжимались в кулак – не в гневе, а в сосредоточенной силе, будто уже держали бразды правления, как держат рукоять меча в час решающей сечи. В этой сжатой ладони таилась вся воля к власти – не пылкая, не безудержная, но упорная, как течение Днепра, что год за годом прорезает себе путь сквозь скалы.

В осанке Изяслава читалась уверенность человека, который не ищет пути – он сам становится путём. Он был похож на древний дуб, чьи корни глубоко вросли в землю, а ветви тянутся к небу: ни буря не сломит, ни время не иссушит. В нём не было ни тени сомнения, ни проблеска сожаления – лишь чёткая ясность цели: удержать Киев, укрепить связи с Западом, превратить город в крепость, чья слава будет греметь от моря до моря.

Казалось, сама земля под его ногами твердела, принимая в себя отзвук его решимости. Он стоял, как страж на перекрёстке времён, и в этом стоянии было нечто большее, чем готовность принять власть: в нём жила убеждённость, что только так, через твёрдость и расчёт, Русь сможет устоять перед бурей грядущих лет.

Святослав стоял, опустив взгляд, словно боялся встретить отражение собственных видений в глазах окружающих. Лицо его было рассеянно, будто душа уже покинула тело и блуждала где-то в запредельных мирах, куда не дотянуться ни слову, ни жесту.

В его сознании текли иные реки – не те, что питают земли Руси, а неведомые потоки, текущие вспять, против естества. В их волнах, мерцающих призрачным светом, проступали лица забытых богов – не грозных идолов, не суровых хранителей рода, а древних, почти стёршихся из памяти сущностей, чьи имена давно рассыпались в прахе веков. Эти видения не были откровением – они были знаками, смутными предвестиями грядущих перемен, которые он ощущал всем существом, но не мог ни понять, ни остановить.

На губах Святослава играла лёгкая улыбка – не радостная, не умиротворённая, а та, что рождается на устах человека, услышавшего шёпот потустороннего мира. Этот шёпот проникал в него, как туман сквозь щели старого терема, наполняя душу странными образами и неслышимыми голосами. В нём жила тайна – не тайна заговора или государственной мудрости, а тайна иного порядка, недоступная разуму, невыразимая словами. Она пульсировала в нём, как скрытый под землёй родник, и искала выхода, но не находила.

Его поза – не напряжённая, как у Изяслава, не исполненная воли к действию, а расслабленная, почти невесомая – говорила о том, что он не держит мир в руках, а позволяет миру нести себя. Он был подобен тростнику на берегу мистических вод: не сопротивлялся ветру, не боролся с течением, а лишь внимал их песне. В этом внимании таилась особая сила – не сила меча или власти, а сила прозрения, которая пугала и завораживала одновременно.

Казалось, Святослав уже не принадлежал полностью этому времени и этой земле. Он стоял на границе двух миров – явного и сокрытого, и граница эта проходила сквозь его сердце. В его молчании слышался гул далёких бурь, в его улыбке мерцали отблески иных зорь, а в опущенном взгляде таилась бездна, куда он был готов шагнуть в любой миг – не из отчаяния, а из покорности той неведомой воле, что вела его сквозь сны и видения.

И в этом была его суть: не правитель, не воин, не хранитель традиций – а проводник, чья душа открыта ветрам иных миров и кто несёт в себе предвестие перемен, ещё не обретших имени.

Всеволод молчал, но тело его говорило громче любых речей – словно древний механизм, отлаженный в бесчисленных переговорах и стычках, оно жило собственной, настороженной жизнью.

Пальцы, будто движимые невидимой пружиной, то и дело тянулись к рукояти ножа на поясе – не для угрозы, не для хвастовства, а по привычке человека, привыкшего измерять каждый вздох окружающих на вес опасности. Это движение было почти незаметным, но в нём читалась многолетняя выучка: в мире, где слово может обернуться клинком, лучше держать руку поближе к стали.

Взгляд его скользил – быстро, цепко, без паузы. По братьям – словно взвешивая их силу и слабость; по слугам – высчитывая, кто из них способен на предательство; по теням в углах – будто ища в них скрытые угрозы. В этом взгляде не было ни тепла, ни сочувствия, лишь холодный, расчётливый интерес охотника, который знает: добыча редко приходит одна – за ней всегда следуют хищники.

Поза Всеволода дышала напряжением зверя, готового к прыжку. Не расслабленная небрежность правителя, не гордая выправка воина – а собранная, пружинистая настороженность волка на краю леса. Каждое мускул было натянуто, как тетива; плечи чуть сведены вперёд, словно прикрывая сердце; голова чуть наклонена, чтобы лучше слышать малейший шорох. Он стоял не как наследник престола, а как страж порога – того самого рубежа, где кончается доверие и начинается сила.

Он не верил в слова. Ни в клятвы, ни в обещания, ни в высокие речи о чести и долге. Для него существовали лишь два языка: язык силы и язык расчёта. Сила – чтобы заставить слушать; расчёт – чтобы понять, кому и зачем это нужно. В его мире не было места иллюзиям: каждый жест имел цену, каждое молчание – скрытый смысл, каждая улыбка – остриё.

И в этой безмолвной бдительности чувствовалась особая мощь – не громогласная, как у воина, поднимающего меч, а тихая, как течение подземной реки, что год за годом точит камень. Всеволод не искал славы, не жаждал признания – он лишь просчитывал ходы, собирал крупицы информации, ждал момента, когда можно будет сделать шаг, от которого содрогнётся весь княжеский дом.

В нём жила настороженная мудрость пограничника: тот, кто стоит на рубеже, всегда видит дальше других. И всегда готов встретить врага – будь то человек, судьба или сама тень сомнения.

Ярослав заговорил. Его шёпот напоминал скрип древних ворот загробного мира – будто он проталкивал слова сквозь тяжесть веков, сквозь пелену уходящей жизни. Голос звучал так, словно сама земля шептала через него, и каждое слово отдавалось глухим эхом в сводах палаты, будто камни запоминали их навеки.

– Время моё истекло… – произнёс он, и в этом звуке слышался последний вздох угасающего костра. – Землю русскую не рвите когтями. Единство – вот меч, что защитит вас. Не дайте врагам разорвать то, что кровью скреплено. Храните мир, ибо междоусобица – гибель для земли, что отцы ваши берегли.

Его голос был не просто звуком – это была вибрация, проникающая глубже слов. Она отзывалась в стенах, в костях сыновей, в самом воздухе зала, как если бы сама Русь слушала через уста умирающего князя. Это не просьба – завещание, выстраданное годами правления, битв и мудрых решений.

Но в этой вибрации таилось и бессилие. Ярослав знал: его слова могут стать лишь эхом в грядущей буре. Он видел в глазах сыновей не только скорбь, но и тени иных мыслей – тени амбиций, сомнений, непокорных желаний. И всё же он говорил, потому что должен был ска-

зать. Потому что даже если эти слова не удержат их от раздоров, они останутся – как след на камне, как шрам на сердце истории.

Когда он замолчал, тишина опустилась на палату, словно тяжёлый покров. Свечи дрогнули, будто испугавшись того, что услышат дальше. А в углах, где тени были гуще, казалось, шептались духи предков – то ли одобряя, то ли оплакивая последние слова великого князя.

Когда князь испустил последний вздох, за окнами грянул гром – не случайный раскат, а словно удар небесного молота, отбивающий последний такт ушедшей эпохи. Молния вспорола тьму, на мгновение озарив гридницу нестерпимым светом, будто сама Перуна рука метнула огненный знак в знак свершившегося.

Изяслав на миг зажмурился – и в ослепительной вспышке перед ним промелькнул образ будущего: Киев, превращённый в неприступную цитадель, чьи стены вздымаются к небу, как вызов всем врагам. Он увидел башни, увенчанные золотыми шлемами дозорных, рвы, полные отражённого неба, и улицы, где гулко отдаётся шаг дружины. В этом видении не было места слабости – только сталь, камень и воля.

Святослав вздрогнул, словно пробудился от глубокого сна, в котором боги шептали ему тайны мироздания. В мгновении молнии он различил знаки: реки, текущие вспять, звёзды, падающие в ладони, тени забытых божеств, танцующих в вихре времён. Эти образы, туманные и зыбкие, манили его в иные миры, где слова бессильны, а истина скрыта в безмолвии. Он ощутил, как в груди бьётся что-то древнее, не принадлежащее этому миру, – зов, которому невозможно противиться.

Всеволод сжал нож так, что костяшки пальцев побелели. Его рука, твёрдая как железо, не дрогнула – она была готова встретить угрозу лицом к лицу. В свете молнии клинок вспыхнул, словно крошечная молния, и Всеволод понял: мир больше не держится на словах. Теперь всё решают сила, расчёт и тот миг, когда нужно ударить первым. Он смотрел вперёд, не мигая, и в его взгляде читалась холодная решимость воина, который знает: чтобы защитить своё, порой нужно стать самой угрозой.

А за окнами всё гремело – будто небеса оплакивали ушедшего князя и возвещали начало новой эры. Ветер ворвался в распахнутые двери, взметнул пепел в жаровне и разнёс его по залу, словно рассыпая последние слова завещания по четырём сторонам света. Тени в углах зашевелились, вытягиваясь к сыновьям, будто пытаясь шепнуть им то, что не успел сказать отец.

И в этой грозовой мгле, между вспышками молний и раскатами грома, трое братьев стояли, разделённые видениями, но связанные одной кровью – кровью Ярослава, кровью Руси, кровью судьбы.

В первые годы после того, как душа Ярослава Мудрого отлетела к небесным чертогам, трое его сыновей стояли плечом к плечу – словно три могучих дуба, выросших из единого корня. Ветви их сплетались в единую крону, что простиралась над Русской землёй, укрывая её от бурь и невзгод. Изяслав, Святослав и Всеволод, скреплённые отцовским наказом жить в согласии, выстроили хрупкое, но действенное единство – триумвират, где каждый знал своё место, как знает своё место камень в своде, без которого рухнет вся постройка.

Правили они сообща, будто единый разум владел тремя телами, а воля их текла, как подземные воды, питающие корни трёх дубов. В тиши княжеских палат, где свечи мерцали, словно звёзды в ночном небе, они вместе пересматривали законы. Дополняли «Русскую Правду» новыми статьями – так родилась «Правда Ярославичей», где каждое слово было взвешено на весах мудрости, а каждая строка – выкована в горниле общего согласия.

Выходили они и в поле, против кочевников – то против узов, сменивших печенегов, то против половцев, чьи набеги, словно острые когти, терзали южные рубежи Руси. В совместных походах звенели мечи, будто струны неведомых гуслей, а в общих советах голоса братьев не

перебивали друг друга – они дополняли, как дополняют друг друга ветер, река и лес в великом хоре мироздания.

В те дни казалось: завет Ярослава сбылся. Братья не просто делили власть – они делили ответственность, как делят хлеб на три части, чтобы каждому хватило. Когда умер младший из них, Вячеслав, старшие не стали спорить о его уделе – перевели Игоря из Владимира-Волынского в Смоленск, а на освободившееся место посадили племянника Ростислава. Когда же дядя Судислав томился в порубе, они объединились, чтобы освободить его – не из слабости, а из чувства родовой чести, из памяти о том, что кровь предков течёт в их жилах, связывая воедино прошлое и будущее.

Но время, подобно реке, что пробивает себе путь сквозь скалы, понемногу размывало берега их согласия. Сначала – едва заметные трещины: взгляды, брошенные искоса, слова, сказанные вполголоса, тени сомнений, что скользили по лицам, как облака по небу.

Изяслав с его тягой к Западу, к польским союзникам и латинским обычаям, видел Русь как мост между мирами. Святослав, чья душа витала в иных мирах, где реки текли вспять, а тени забытых богов шептали пророчества, искал знаки грядущих перемен. Всеволод же, чья рука всегда лежала на рукояти ножа, верил лишь в силу и расчёт – в то, что можно ощутить пальцами, измерить весом и проверить остриём клинка.

Каждый из них видел Русь по-своему – и каждый считал свой путь единственно верным. И в этом различии, в этом непонимании друг друга таилась искра, что однажды должна была вспыхнуть и превратить хрупкое единство в пепел раздора.

Глава 2. Три брата, три пути

В ту же ночь в лесах Приднепровья произошло нечто древнее и страшное – не людская распря, не стихийный гнев природы, а пробуждение силы, что дремала под корнями вековых дубов с тех времён, когда сами боги ходили по земле. Земля дрожала не от грозы, а от биения тьмы, восставшей из глубин: это пробуждалась Тень Сварога – мифического стража, хранителя забытых клятв и карателя нарушителей.

Воздух наполнялся гулом, подобным биению каменного сердца, вечного и безжалостного. Звук проникал в самую глубь существа, заставляя кровь стынуть, а разум цепенéть. Деревья склонялись, будто в поклоне перед незримым владыкой. Их тени извивались, словно чёрные змеи, вытягивались, сливались – и вот уже вырисовывался исполинский силуэт, лишённый лица, но полный древнего гнева.

В чаще то и дело вспыхивали алые глаза – не зверя, не человека, а древней силы, помнящей времена до времён. Они мерцали, как угли в потухающем костре, оставляя в душе ледяной след. Ветер нёс шёпот на языке, забытом людьми ещё до прихода первых летописцев. Тень вспоминала своё имя – слово, от которого дрожали камни и белели кости мёртвых. Шёпот проникал в сознание, будто холодный клинок: он не ранил тело, но резал память, обнажая то, что давно было погребено под слоями лет.

Это не просто мистический образ – это предвестие. Раскол между сыновьями Ярослава, их первые шаги к раздору, их неспособность удержать отцовское завещание – всё это разбудило силы, что давно спали под толщами земли и веков. И теперь они придут за своими жертвами.

Тень Сварога не знала жалости. Она была стражем границ между миром живых и миром мёртвых, хранителем клятв, данных в древности, когда слова обладали силой, а обещания скреплялись кровью и огнём. Её пробуждение означало: грядут испытания, и лишь те, кто сохранит верность клятве и единство рода, смогут пережить бурю. Но даже им придётся заплатить – ибо Тень не принимает даров без жертвы.

А пока ночь поглощала лес, и шёпот ветра становился всё отчётливее, мир замер в ожидании. В тишине, разрываемой лишь отдалённым гулом, слышалось нечто большее, чем предзнаменование – слышался голос самой земли, что взывала к тем, кто ещё мог услышать: «Помните. Храните. Не дайте разорвать».

И где-то вдали, за пределами леса, за стенами княжеских палат, где братья уже начинали расходиться по своим путям, в воздухе разливалось едва уловимое ощущение – словно сама ткань мира истончалась, прогибалась под натиском пробудившейся тьмы. Казалось, ещё миг – и невидимые трещины расползутся по реальности, выпуская на волю то, что веками ждало своего часа в глубинах забытья.

Киев. Двор великого князя.

Изяслав стоял у высокого окна гридницы, где сквозь резные ставни пробивались косые лучи предзакатного солнца, рассыпая по полу узорчатые блики – словно древние письмена, что никто уже не мог прочесть. Внизу, у подножия холма, лениво катил воды Днепр – седой и молчаливый свидетель веков, чьи волны несли в себе отголоски былых битв и забытых клятв.

На резном дубовом столе, отполированном десятками лет совещаний и споров, словно раскалённый камень, лежало письмо. Печать папы Льва IX отливала восковым багрянцем – цветом, что одновременно обещал благодать и таил угрозу. Изяслав медленно провёл пальцем по краю пергамента, ощущая рельеф оттиска, будто пытаясь прочесть между строк то, что не было написано.

– «Союз и благодать», – процедил князь, и в голосе его не было ни тепла, ни веры. – А за спиной – кресты и мечи.

Скрипнула дверь – звук, похожий на стон старого дерева, помнящего ещё времена Ярослава. Вошёл боярин: в плечах – шире дверного проёма, в глазах – тревога, глубокая, как колодец в безлунную ночь. Его тень, вытянувшись по полу, легла на письмо, словно пытаясь заслонить его от княжеского взора.

– Княже, послы Генриха I на подходе. Говорят, везут арбалеты и латы. Хотят видеть тебя.

Изяслав усмехнулся – холодно, без радости, так, что даже тени в углах гридницы словно сжались от этого звука.

– Хотят. А дадут ли то, что нужно?

Он знал: за любезностями скрываются условия, острые, как наконечники стрел. За оружием – обязательства, тяжёлые, как кольчуга в час сечи. За «союзом» – чужая воля, что стремится проникнуть в сердце Руси, как ржа проникает в железо. Но Киев нуждался в стали – его стены давно просили новых бойниц, а дружина – надёжных доспехов.

Взгляд князя снова скользнул к Днепру. Река текла, не зная сомнений, не ведая страха. Она просто была – как должна быть Русь. Но Изяслав понимал: чтобы сохранить это «просто быть», придётся играть по чужим правилам, взвешивая каждое слово, каждый жест, каждую уступку.

В воздухе пахло воском, кожей пергамента и едва уловимой тревогой – запахом грядущих перемен, которые уже стучались в ворота Киева.

Чернигов. Капище под древним дубом.

Святослав стоял на коленях перед идолом Сварога, вырезанным из цельного ствола векового дуба. Дерево над ним шумело листвой – не просто шелест, а шёпот тайн, забытых людьми, но помнящих каждое слово, произнесённое под его кроной. В ушах князя звучал иной голос – не ветер, не птицы, а гул, идущий из глубин земли, будто сама мать-сыра земля пробудилась, чтобы сказать своё слово:

«Меч из неба, кровь трёх родов… Тень растёт. И братья… они не вместе».

– Что видишь? – тихо спросил волхв Мирослав. Его лицо, изборождённое морщинами, словно высеченное временем, казалось маской древнего бога – то ли Сварога, то ли самого Велеса, хранителя границ между мирами.

Святослав поднял взгляд – пустой, как ночное небо без звёзд, как зеркало, в котором не отражается ни один свет.

– Тень. Она растёт. И братья… они не вместе.

Мирослав провёл рукой над чашей с родниковой водой – чистой, как слёзы первых людей. Поверхность всколыхнулась, пошла рябью, и в этой зыби проступили образы, туманные, но отчётливые:

Изяслав склонился над латинским крестом, его пальцы сжимали пергамент с печатью – не княжеской, а чужой, с незнакомыми гербами и латинскими буквами. Свет свечи дрожал на его лице, превращая тень в маску двуличия.

Всеволод жмёт руку печенежскому хану – жест, который мог бы означать мир, но между ними лежал кувшин кумыса и два ножа, воткнутые в землю остриями вверх. Это не союз, а договор на острие клинка.

Волхв опустил ладонь, и видения растаяли, словно дым над жертвенником. Вода снова стала спокойной, но в её глубине ещё дрожали отголоски образов.

– Раскол – её пища, – прошептал Мирослав, и голос его звучал, как эхо из иного мира. – Тень питается разладом. Если братья не найдут единства, она поглотит всех. Она уже пьёт их сомнения, как вино из чаши.

Святослав сжал кулаки так, что костяшки побелели. Он не хотел верить – не в пророчество, не в видения, не в ту тьму, что росла в его сердце. Но знал: пророчество не ошибается. Оно не предсказывает – оно лишь открывает глаза тому, кто ещё способен видеть.

Ветер усилился, зашелестел листвой, и дуб, древний страж капища, будто вздохнул. В этом вздохе слышалось нечто большее, чем природа – словно сам Сварог, глядящий из-за горизонта, предупреждал: время на исходе.

Князь медленно поднялся, не отрывая взгляда от идола. В его глазах, ещё недавно пустых, теперь мерцало что-то – не страх, не гнев, а холодная ясность человека, который понял: он один видит то, чего не видят остальные. И это знание – его бремя, его крест, его оружие.

– Что делать? – спросил он, не оборачиваясь к волхву.

Мирослав молчал долго – так долго, что Святослав уже подумал, будто ответа не будет. Но затем старик произнёс:

– Искать то, что связывает. Не стены, не мечи, не договоры. А кровь. Память. Слово, данное отцом.

И в тот же миг молния вспыхнула за лесом, осветив капище, идол, лицо князя – как если бы небо хотело запечатлеть этот миг, чтобы потом, когда Тень накроет всё, кто-то вспомнил: здесь стоял князь, который знал.

Переяславль. Тайный сговор.

Всеволод сидел напротив печенежского вождя – в низком рубленом доме, где пахло дымом, сыромятной кожей и степной полынью. Между ними – грубый деревянный стол, потемневший от времени и впитавший не одну тайну. На столе – кувшин кумыса; терпкий дух напитка смешивался с запахом степи, будто сама бескрайняя равнина заглянула в это помещение.

Два ножа, воткнутые в землю у ног, обозначали договор: слово против слова, кровь против крови. Остриё каждого клинка смотрело в сторону собеседника – молчаливое напоминание: здесь нет друзей, есть лишь временные союзники.

Вождь, с лицом, изрезанным шрамами – словно карта былых битв, – смотрел не мигая. Его глаза, узкие и тёмные, казались прорезями в мир иной, где царят волки и ветры.

– Дашь воинов против степняков? – спросил Всеволод. Голос его был ровен, лишён эмоций, но в глубине зрачков мерцала настороженность – как огонёк, готовый угаснуть от малейшего дуновения.

– Дадим, – ответил вождь, и в его речи звучала тяжесть веков, проведённых в седле. – Но цена известна. Заложников – твоих людей. И дань: меха, зерно, железо.

Князь кивнул. Он знал: это не союз, а сделка с волком. Волк не станет другом, но может стать оружием – острым, верным лишь до тех пор, пока пахнет добычей.

– Заложники будут, – произнёс Всеволод, чеканя каждое слово. – Дань – в срок.

– Если предашь… – князь на миг задержал взгляд на лезвиях ножей, – ответишь.

Вождь усмехнулся – медленно, словно разминал застарелую рану. Жёлтые зубы блеснули в полумраке.

– Если предашь ты, волк станет твоим судьёй.

В воздухе повисло напряжение – как натянутая тетива, готовая сорваться в любой миг. Всеволод чувствовал, как под кожей пробегает холодок: он ступает на тонкий лёд, где каждый шаг может стать последним. Но иного пути не было.

Степь не прощает слабости. А Киев не простит бездействия.

За окном, в предрассветной мгле, заржал конь – протяжно, тревожно. Ветер рванул ставню, и в комнату ворвался запах травы и далёких костров. Где-то за горизонтом, в бескрайних просторах, уже собирались тучи – не для дождя, а для бури.

Всеволод сжал под столом рукоять меча – не для угрозы, а для опоры. Он знал: сегодня он заключил союз с тенью. И теперь тень будет идти за ним – до конца.

Тем временем в лесах Приднепровья, там, где корни древних дубов, словно змеи каменные, сплетаются в подземный лабиринт, Тень Сварога продолжала расти, набирая силу нече-

стивую. Шёпот её, подобный стону земли из глубин преисподних, становился громче, а очертания – резче, будто вырезанные ножом ночного владыки.

Она ждала.

Ждала, когда раскол, словно трещина в камне вековом, станет необратимым, когда кровь родственная прольётся, а клятвы отцовские обратятся в прах.Ждала, когда братья, потомки славного рода, свершат выбор свой – не по совести, а по прихоти сердца.

Потому что тень – не просто тьма кромешная. Это сила голодная, алчущая разлада меж людьми, пирующая кровью неповинной, кормящаяся страхом человеческим. Она, как паразит, впивается в души слабых, разжигает в них гнев и недоверие, шепчет на языке забытом, что слаще мёда, но горше полыни.

И она уже ведала – чрез малое время будет ей чем насытиться. Уже чуяла запах предательства, уже слышала звон мечей, ещё не обнажённых, но уже жаждущих крови. Уже видела, как рвутся нити судьбы, как меркнет свет в очах братьев, как тьма, подобно волнам морским, накрывает землю Русскую.

«Скоро, – шептала она, и голос её был как скрежет железа по кости. – Скоро настанет час мой. И тогда…»

Но слов её никто не слышал – лишь ветер разносил зловещий шёпот по чащам, да вороны, чуя беду, кружили над лесом, крича, будто оплакивая грядущее.

Глава 3. Голос из тьмы

Как седые волосы древней чародейки, туман окутывал землю, запутываясь в корнях вековых дубов. Он полз, словно живое существо, – медленно, с затаённой силой, обнимая каждый камень, касаясь каждой травинки. Казалось, сам лес задержал дыхание, и теперь это дыхание выходит наружу – холодным, тягучим паром, что заволакивает всё вокруг. В этой белёсой пелене мир терял свои грани: деревья превращались в призрачные силуэты, тропы растворялись, а звуки угасали, будто поглощённые необъятной ватной тишиной, что царила меж стволов.

Святослав Ярославич натянул поводья. Его конь – вороной жеребец с белой звездой на лбу, символ рода и воинской удачи – захрапел, уши прижались к голове, а глаза, полные тревоги, уставились в сумрачные заросли. Животное чуяло недоброе – то, что скрыто от человеческого взора, но явное для звериного чутья. Конь бил копытом, будто хотел пробить землю и уйти вглубь, лишь бы не идти вперёд.

– Здесь, – прошептал князь, спрыгивая с седла.

Его плащ, расшитый серебряными рунами – знаками, что хранили память о предках и оберегали от тёмных сил, – сливался с белёсой дымкой, делая фигуру почти призрачной. Лишь рукоять меча, украшенная гранатами, вспыхивала алыми искрами, когда сквозь туман пробивался редкий луч солнца, словно капля крови на сером полотне.

Святослав сделал шаг вперёд – и под сапогами зашелестела трава. Но это был не простой шелест: будто тысячи уст шептали заклинания, будто сама земля говорила с ним, предупреждала, испытывала.

За его спиной молчаливо стояли двое – не просто спутники, но опора, два столпа, на коих держится замысел.

Первый – Мирослав, волхв с глазами, будто два уголья, тлеющих в глубине дремучего леса. В его взгляде горел огонь – не согревающий, не ласковый, а предупреждающий, острый, как клинок. Он знал границы миров и умел читать знаки, что другим казались лишь игрой ветра и теней. Его посох, вырезанный из ясеня – дерева, коему ведомы тайны земли и неба, – увенчан резным ликом Сварога. И казался посох живым: будто дерево помнило руки мастера, который когда-то дал ему форму и силу, будто в нём дремала душа, готовая пробудиться по слову волхва.

Второй – Радмир, купец из Новгорода, чья слава гремела далеко за пределами торговых путей. Меха, серебро, янтарь – всё проходило через его руки, но богатство не затмило в нём веры в старых богов. Его топор, тяжёлый и острый, лежал на плече – не как орудие торга, а как меч воина. В глазах Радмира читалась настороженность человека, привыкшего оценивать риски, но не отступающего перед опасностью. Он знал: иногда цена сделки – жизнь, а иногда – душа. И был готов заплатить.

И стояли они втроём – князь, волхв и купец – на границе неведомого, где туман прятал ответы, а тишина хранила вопросы. Где каждый шаг мог стать началом пути… или последним вздохом.

– Не нравится мне это место, – буркнул Радмир, сжимая рукоять топора так, что пальцы побелели, будто вросли в дерево. – Воздух тут… густой, как кровь, стоялая, запёкшаяся под солнцем.

Он сделал паузу, будто прислушиваясь не к внешнему миру, а к тому, что шевелилось внутри, в самой глубине груди. Затем, не отводя взгляда от белёсой пелены, добавил глухо:

– И пахнет так же. Словно земля дышит раной.

Мирослав лишь усмехнулся – звук вышел сухим, как треск ломаемой ветки в зимнем лесу, как шорох опавшей листвы под ногой мертвеца. Он поднял посох, и резной лик Сварога

на вершине словно ожил: тени в глазницах зашевелились, будто пытались разглядеть то, что скрыто в тумане, будто сами боги приникли к границе миров, чтобы увидеть – или быть увиденными.

– Кровь и есть, – произнёс волхв, и голос его звучал, как эхо из глубокой пещеры, где каждое слово отдается стократным отголоском. – Ты чуешь? Не запах – зов. Не просто кровь, а память о ней. Здесь пролито много: и воинов, и жертв, и тех, кто не был ни тем, ни другим. Земля пьёт, но не насыщается.

Радмир не ответил. Он лишь переступил с ноги на ногу, и в этот миг из тумана донёсся низкий, вибрирующий звук – не стон, не крик, а что-то среднее, будто сама земля выталкивала из себя забытое слово, будто тысячелетний голос пытался прорваться сквозь толщу веков. Звук шёл не извне – он рождался внутри, в костях, в крови, в самом сердце, заставляя его биться в ином ритме, чужом, древнем.

Святослав, стоявший впереди, медленно обернулся. Его плащ, расшитый серебряными рунами, дрогнул, будто живой, а рукоять меча вспыхнула алым – не от солнца, а от внутреннего пламени, пробуждённого этим звуком.

– Это не предупреждение, – сказал князь, и слова его легли на тишину, как меч на камень. – Это вызов.

Туман колыхнулся, словно в ответ, и в нём проступили очертания – не фигуры, не тени, а лишь намёк на них: будто чьи-то глаза, давно истлевшие, вновь открылись, чтобы увидеть тех, кто пришёл.

Радмир сжал топор крепче. Мирослав поднял посох выше, и лик Сварога на его вершине вспыхнул тусклым, багровым светом, будто уголёк, раздуваемый ветром.

А звук всё нарастал – не громче, но глубже, проникая в самое нутро, будто земля говорила на языке, забытом людьми, но ещё помнившемся богам.

Святослав шагнул вперёд. Трава под его сапогами зашептала громче. Он остановился перед двумя каменными столбами, стоящими в форме ворот. Между ними чернел жертвенник, покрытый мхом и странными письменами. Камни были холодными на ощупь, а руны, выгравированные на поверхности, казались живыми – они шевелились, если смотреть не прямо, а краем глаза.

Князь провёл пальцем по высеченным знакам. Буквы были древними, не из славянской вязи, а из чего-то более старого, забытого ещё до прихода первых племён.

– «Кто ищет силу, отдаст душу», – прочитал он вслух. – Это предупреждение или призыв?

– И то, и другое, – раздался голос из тумана.

Из тени выступил старец. Он был облачён в лохмотья, но даже в этой нищете чувствовалась сила – не телесная, а та, что копится годами, веками. Его глаза светились, как звёзды в безлунную ночь: не ярко, а глубоко, будто в них отражалась сама вечность.

– Ты пришёл, Святослав. Я ждал.

– Кто ты? – князь обнажил меч, и клинок сверкнул, отражая туманный свет.

Но Мирослав, волхв мудрый, остановил его движением руки – плавно, но с силою, коей наделены лишь знающие тайные пути.

– То вещун, – возгласил Мирослав. – Ему открыта дорога к мечу.

Старец подошёл ближе. Святослав почувствовал холод, проникающий до костей. Это был не обычный холод – он не сковывал тело, а касался души, будто проверял её на прочность.

– Меч из метеоритного железа, – произнёс вещун, и его голос звучал, как эхо из глубин земли, – может победить Тень. Но его сила пробудится лишь тогда, когда три рода сольются: княжеский, волховский и купеческий. Ты нашёл двоих спутников. Где третий?

Радмир хмыкнул, переложил топор в другую руку.

– Третий – это я, что ли? Я торговец, а не герой.

– Герой – тот, кто делает выбор, – тихо сказал старец. – Но знай: меч потребует жертвы. Не железа, а сердца.

В этот миг туман вокруг сгустился, и Святославу показалось, что он видит образы:

Изяслав, склонившийся над папским письмом, его пальцы сжимают пергамент, а в глазах – тень сомнения;

Всеволод, жмущий руку печенежскому хану, между ними – кувшин кумыса и два ножа, воткнутые в землю, как знак договора, от которого нельзя отказаться;

огонь, пожирающий леса, и крики, тонущие в дыму.

Эти видения пронеслись перед его внутренним взором, как вспышки молний, и исчезли так же внезапно, как появились.

– Где найти метеоритное железо? – спросил князь, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Вещун медленно поднял руку. В его ладони вспыхнул багровый отблеск – будто крошечный осколок неба, упавший на землю.

– Там, где небо плачет огнём, – ответил он, указывая на восток. – В курганах предков, под охраной духов. Но помни: метеоритное железо – не просто металл. Это капля звёздной крови, застывшая в камне. Оно помнит удар, расколовший небо, и хранит силу, которой боялись даже боги.

Святослав невольно сжал рукоять меча. В памяти всплыли сказания – старые, ещё докиевские: о том, как с небес падали огненные камни, и те, кто находил их, обретали власть над жизнью и смертью. Говорили, что из такого железа ковали клинки для жрецов и вождей, но лишь избранные знали, как пробудить его суть.

– Почему именно оно? – уточнил князь. – Разве не хватит обычной стали?

– Обычная сталь служит человеку, – прошептал вещун. – А метеоритное железо служит вечности. Оно не знает границ между миром живых и миром мёртвых. Только через него можно дотянуться до Тени и сразить её.

– Но откуда ты знаешь? – вмешался Мирослав. Его голос дрогнул, будто волхв коснулся края тайны, которую боялся разгадать.

Старец улыбнулся – и в этой улыбке Святослав уловил что-то древнее, нечеловеческое.

– Потому что я сам когда-то держал такой меч. И знаю: ты княжишь ныне над землями явными, но станешь князем земли сокрытой.

Князь нахмурился.

– Сокрытой? Моя земля – Русь.

– Пока – да. Но завтра всё может стать иным.

Туман вдруг взвился вихрем, закрутился в спирали. Старец начал растворяться – сначала ноги, потом тело, но лицо ещё держалось в воздухе, словно маска.

– Время истекает, князь неведомой земли… – проговорил он.

Когда исчезли и глаза, в тумане ещё дрожал его голос:

– Помни: меч ждёт не победителя. Меч ждёт избранного.

Мирослав перекрестился древним знаком – тремя пальцами, касаясь лба, груди и плеч. Его губы шевельнулись, произнося молитву, которую знали лишь волхвы.

Радмир пробормотал:

– Ну и дела. Теперь нам ещё и в курганы лезть?

Он оглянулся на туман, который снова стал густым и неподвижным, будто ничего и не было. Но в его глазах читалось понимание: пути назад нет.

Святослав молча вскочил на коня. Вороной жеребец фыркнул, но стоял ровно, чувствуя решимость хозяина. Впереди, сквозь пелену дождя, мерцал отдалённый свет – то ли зарница, то ли отблеск грядущих битв.

Князь поднял меч, и на мгновение клинок вспыхнул, отражая невидимое солнце.

– В путь, – скомандовал он. – И да хранят нас боги. Или проклянут.

Глава 4. Послы Запада

Ранним утром, когда туман ещё цеплялся за золотые маковки киевских церквей, словно седые пальцы древней чародейки, к Лядским воротам подъехал отряд чужеземцев. Воздух был пропитан запахом росы и далёкого ладана, а над градом висела тишина – не мёртвая, но настороженная, будто сам Киев затаил дыхание пред встречей с неведомым.

Въезд в град обрамляли дубовые башни, мощные, как исполины, охраняющие порог мира. Их резные причелины, изукрашенные завитками и обережными знаками, казались живыми – будто дремучие леса шептали сквозь века: «Здесь граница, здесь рубеж, здесь начинается Русь». Над ними, гордо рея на утреннем ветру, возвышался стяг с двуглавым орлом: птица, чьи крылья простирались меж двух миров, была выткана серебряной нитью на алом полотнище – словно кровь и свет, сплетённые воедино. В её зрачках, если приглядеться, мерцали отблески далёких битв и мирных договоров, побед и утрат – вся летопись земли, где сходились восток и запад.

Рыцари Генриха I въехали стройной колонной – не как гости, но как войско, пришедшее заявить о себе. Их латы, выкованные в рейнских мастерских, сверкали, как льдины на солнце, отражая первые лучи и дробя их на тысячи острых бликов, будто рассыпая по мостовой осколки иного мира. Кольчужные капюшоны скрывали лица, превращая воинов в безмолвных стражей тайны, а арбалеты за плечами казались чёрными стрекозами, готовыми выпустить жала – не стрел, но воли далёкой державы, где слово закона звучало твёрже стали.

Конские чепраки украшали гербы с лилиями и крестами – символы земли, где власть папы и меча слились в единый кулак, где слово и сталь звучали в унисон. Лилии, тонкие и гордые, напоминали о благочестии, о молитвах, возносимых в высоких соборах; кресты – о решимости, о мечах, готовых защищать веру и корону. Каждый узор, каждая нить говорили: «Мы пришли не просить – мы пришли устанавливать порядок».

Город молчал. Лишь изредка доносился скрип ставен, шёпот за запертыми воротами, да где-то вдали – тихий звон колокола, будто сердце Киева билось неровно, пытаясь угадать: «Дружба это или угроза? Союз или испытание?»

А рыцари ехали, не сбавляя шага. Их тени, длинные и резкие, ложились на мостовую, словно первые штрихи новой главы – той, что ещё не написана, но уже начинает звучать в ритме копыт, в звоне металла, в шелесте знамени, реющего над башнями. И казалось, будто сами камни мостовой шепчут древними голосами: «Кто вы, пришедшие из-за моря? Что несёте вы – свет или тень?»

У самых ворот их встретил Изяслав Ярославич. Он стоял на деревянном помосте, окружённом дружинниками в кольчугах с позолоченными бляхами – те мерцали, как звёзды на утреннем небе, будто сама небесная твердь сошла на землю, чтобы облечь стражей князя в доспехи из звёздного света.

Князь был высок и статен, с русой бородой, заплетённой в две косы по древнему обычаю – знак рода, уходящего корнями в глубь времён, к тем первым князьям, что рубили мечами путь сквозь дебри и ставили грады на берегах великих рек. На плечах его лежал плащ из византийского шёлка, расшитый звёздами так искусно, что казалось: небо спустилось на землю, чтобы прикрыть его, словно оберегая от невзгод. На груди – крест из чёрного дерева, инкрустированный сердоликом; в камне тлел тёплый, загадочный огонь, будто душа далёких предков теплилась внутри, напоминая: «Ты не один».

Его глаза, холодные и светлые, скользили по рыцарям, отмечая каждую деталь: ремни, скрепы, знаки на щитах, узоры на сбруе, даже мельчайшие царапины на металле. Взор его был острым, как клинок, и внимательным, как у охотника, читающего следы в лесу. Он видел не

просто воинов – он видел посланцев иной воли, иных богов, иных законов. И в молчании этом, в перекрёстке взглядов, рождалась не встреча, но испытание – испытание силы, мудрости и веры, где каждое слово могло стать искрой, из которой вспыхнет пожар.

Ветер тронул стяги, и двуглавый орёл словно шевельнул крыльями, будто готовясь взлететь – или ударить. Туман медленно отступал, открывая дорогу, ведущую вглубь города, где за стенами ждали ответы… и вопросы, на которые ещё предстояло найти слова. А может, и не слова – но сталь.

К нему шагнул Леопольд Баварский – военачальник с лицом, изрытым шрамами, словно карта забытых битв, где каждая борозда – память о павших и победах. Его плащ с гербом льва колыхался на ветру, будто зверь готовился рыкнуть, а перчатка из тиснёной кожи сжимала рукоять меча с крестовиной в виде тернового венца – символа, что власть даётся через страдание, а слава – через кровь.

– Мы принесём вам порядок, – произнёс он на ломаном славянском, но с железной интонацией, от которой даже камни мостовой будто сжались. – Но порядок требует веры.

Изяслав сдержал гнев. Он знал: за этими словами – не предложение, а ультиматум, скрытый за вежливостью, как клинок за парчой. Но Киев истощён междоусобицами, а печенеги уже топчут южные рубежи, и каждый день без союза – это день, когда земля теряет кровь.

– Наша вера – в наших богах, – ответил князь, и голос его звучал ровно, как лезвие, вынутое из ножен, холодное и беспощадное. – И в наших мечах. В них – клятвы предков, в них – честь рода, в них – воля земли, что кормит нас и требует защиты.

В тени белокаменных колонн, увитых виноградной лозой, стоял Святослав. Он не надел княжеских регалий – только простая рубаха из грубого полотна да кожаный пояс с ножом в костяной оправе. Его волосы, тёмные, как вороново крыло, были стянуты ремешком, а в глазах, узких и пристальных, читалась тревога, будто он уже видел то, чего другие ещё не заметили.

Он вдыхал воздух, насыщенный запахами воска, железа и конского пота, и шептал – тихо, почти беззвучно, но слова его падали, как капли на камень:

– Они пахнут огнём. Огнём и кровью. И ветер несёт их запах издалека – как запах пожара, что ещё не начался, но уже зреет в сердце бури.

К вечеру спор разгорелся в Гриднице – зале с дубовыми скамьями, где стены украшали щиты, потемневшие от времени, и медвежьи шкуры, чьи оскаленные пасти словно предостерегали чужаков. Под потолком висели серебряные люстры с пчёлами – символ мудрости и единства, отлитый в металле. В очаге пылал огонь, отбрасывая багровые блики на лица собравшихся, будто сам пламень судил их речи.

Изяслав, восседая на резном троне с подлокотниками в виде волчьих голов, ударил кулаком по столу – звук разнёсся, как удар молота по наковальне.

– Союз с ними – сила! – возгласил он. – Их арбалеты пробьют любую броню. Их дисциплина – как стена нерушимая. Мы остановим печенегов, а потом…

– А потом они поставят своих епископов, – перебил Святослав. Он стоял у окна, вглядываясь в огни города, где уже звенели колокола к вечерне, и голос его звучал тихо, но твёрдо, как сталь, закалённая в горниле сомнений. – Сила, что сломает нас изнутри. Ты не видишь? Они пришли не помогать – они пришли заменять. Их воля – не щит, а ярмо.

Всеволод молчал. Он сидел в дальнем углу, почти скрытый тенью, и в этом молчании таилась тяжесть многих дум. Его одежда – простая, без украшений, – контрастировала с пышностью брата, напоминая: не в злате сила, а в разуме. На коленях он держал карту, испещрённую пометками: броды, курганы, тайные тропы – всё, что могло стать ключом к спасению или погибели. В глазах его, тёмных и глубоких, как омуты лесных озёр, отражался огонь очага, но мысли были далеко – там, где на горизонте уже собирались тучи пыли от копыт печенежской орды.

Леопольд, присутствовавший на совете, выпрямился. Его взгляд скользнул по князьям, затем остановился на Изяславе, словно клинок, нацеленный в сердце спора.

– Вы сомневаетесь в нашей воле? – Голос рыцаря звучал холодно, как сталь на морозе. – Мы не просим. Мы предлагаем защиту. Но защита требует подчинения.

– Подчинения кому? – резко спросил Всеволод, поднимая глаза от карты. Взгляд его пронзил Леопольда, как остриё копья. – Вам? Или вашему папе? В чьих руках будет власть – в наших или за морем?

Леопольд не ответил. Вместо этого он сделал знак своим воинам. Двое рыцарей внесли тяжёлый ящик, открыли его – внутри лежали арбалеты, латы, мечи с крестовидными гардами, отполированные до зеркального блеска. Оружие молчало, но в молчании этом слышался звон грядущих битв.

– Это – наше предложение, – сказал Леопольд. – Оружие, которое пробьёт любую броню. Но оно требует веры. Веры в истинного Бога.

Святослав усмехнулся – усмешка была горькой, как полынь.

– Вера не в железе. Она в сердце. А ваше «предложение» пахнет кровью. Кровь не смоет ложь, а лишь умножит её.

Внезапно дверь распахнулась с грохотом, будто сама судьба ворвалась в зал. Вступил Мирослав, волхв, в плаще из серых перьев, что шелестели, как листва в предгрозовой час. Его посох, увенчанный резным ликом Сварога, стучал по полу, как сердце в тревожный час, отсчитывая мгновения перед бурей.

– Завтра к Киеву подойдут печенеги, – произнёс он, и голос его прозвучал, будто шелест сухих листьев, опавших с древа времён. – Но не одни. С ними – знамёна хазар. И запах серы в воздухе. Это не просто набег – это знамение.

Святослав обернулся. В его взгляде мелькнуло то, что он скрывал весь день: он знал. Знал давно, но молчал, сберегая силы для часа, когда слова станут мечом.

– Вот почему они здесь, – прошептал князь. Слова его падали, как капли на камень, оставляя следы в тишине. – Рыцари – не союзники. Они пришли, чтобы зажечь огонь. А мы… мы станем дровами. Их вера – не свет, а пламя, что пожрёт всё.

Изяслав медленно поднялся с трона. Его пальцы сжали рукоять меча, лежащего рядом, и в этом движении читалась решимость, выкованная годами битв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.